

Она тихо наблюдала, как отец проверял пульс Ань Ян. Ожидание было мучительным, и её взгляд был прикован к ним обоим. Через некоторое время отец наконец убрал руку.

Но сначала он заговорил о предыдущей теме:

— Я лечил друга в Линчжоу, и когда возвращался, уже было темно. На улице было много людей, и наследник Сюаньюань И из Цюнчжоу столкнулся с прохожими. Он ругался и приказал своим людям разгромить лавку.

На фронте было напряжённо, и семья Сюаньюань, находящаяся в Цюнчжоу, была важна для империи. Поэтому на выходы наследника в столице смотрели сквозь пальцы.

— Я стоял в толпе с аптечкой на спине и видел, как принцесса Чжаопин подъехала к городским воротам. Она приказала людям наследника остановиться, но слуги слушали только своего господина. Принцесса говорила тысячу слов, но они не имели значения. Когда разрушение продолжалось, принцесса ударила наследника кнутом. Удар был настолько сильным, что половина лица наследника опухла, и кровь залила мои глаза.

— Такой смелый поступок вызвал аплодисменты у народа. Я подумал, что вы были генералом из Цзянбэя. Когда вы попросили меня найти врача для наследника, вы назвали своё имя, и я понял, что вы принцесса Чжаопин. Люди из Цзянбэя действуют решительно, и это вдохновляет. Я добавил в лекарство для наследника один ингредиент, чтобы шрам не исчез.

Ань Ян удивилась, погладив своё тонкое запястье. Её рука была такой тонкой, как тростник, но в ней была такая сила. Она поняла, что сначала нужно захватить главаря, но боялась, что последствия будут трудными.

Отец Шэнь, глядя на растерянное выражение лица Ань Ян, серьёзно сказал:

— Именно поэтому, когда Мобэй напал на границу, Западное Шу отказалось послать войска, и тогда императрица отправилась на войну. В то время я был в Цзянбэе и был призван в армию как врач.

Ань Ян слегка удивилась, не зная об этих событиях. Она посмотрела на отца Шэня:

— Говорят, когда Линчжоу был захвачен, императрица сражалась на фронте и не могла вернуться, чтобы спасти город?

— Линчжоу был осаждён две недели, прежде чем его захватили мятежники. Императрица не успела.

Отец Шэнь, будучи человеком из народа, знал многое о простых людях. Он достал серебряные иглы и разложил их на столе, спокойно сказав:

— Знаете ли вы, принцесса, почему войска рядом с Линчжоу не пришли на помощь? Даже если на фронте было тяжело, императрица не должна была отправляться на войну.

Ань Ян посмотрела на тонкие иглы и подняла глаза, глядя на отца Шэня с решимостью:

— Если правитель не правитель, а подданные не подданные, император Вэнь потерял поддержку народа и был брошен своими подданными.

Отец Шэнь взял иглу и попросил дочь зажечь свечу. Глядя на спокойную девушку, он сказал:

— Если правитель занимается интригами и не заботится о народе, страна рано или поздно падёт.

Его слова были слишком спокойными, и Ань Ян не могла понять. Борьба между правителем и подданными была обычным делом, но перед лицом врага все объединялись. Император Вэнь был жестоким, но он не был тем, кто игнорировал жизнь народа.

— Императрица застряла в Мобэе из-за нехватки провизии. Половина мешков с зерном была заполнена песком. Это произошло из-за чрезмерного недоверия правителя. После отступления Мобэя императрица спешила вернуться, но перед ней были мятежники, занявшие Линчжоу, а за ней — другие князья, желавшие воспользоваться ситуацией. Внутри была нехватка еды. Эта победа была слишком тяжёлой.

Ань Ян вздохнула:

— О нехватке провизии я не слышала.

— Девушка Ань, нехватка еды — это большая проблема для армии. Если об этом объявить, это вызовет панику. Я узнал об этом только потому, что был хорошим врачом и случайно услышал, когда лечил императрицу. В военное время жизнь человека ничего не стоит.

Ань Ян молчала. Он хотел сказать, что даже если И Цинхуань отступила из-за неё, другие князья воспользовались бы моментом, чтобы атаковать. Армия Цзянбэя без провизии не смогла бы устоять.

Если И Цинхуань проиграет, она, Ань Ян, тоже умрёт.

В любом случае, она умрёт.

Ань Ян опустила голову, чувствуя себя подавленной. Когда отец Шэнь взял иглу, она закрыла глаза. Лёгкая боль охватила затылок, и через мгновение вся голова начала болеть. Она даже не заметила, как отец Шэнь убрал иглу.

Глядя на мерцающую свечу, она потеряла голову. Ветер снаружи колебал пламя, и она моргнула. Свеча погасла, и она услышала голос отца Шэня:

— Девушка Ань, когда вы начали помнить себя?

Её мысли были в беспорядке. Впервые она попыталась вспомнить своё прошлое. Раньше она считала, что эти воспоминания не важны, но теперь, когда она задумалась, поняла, что что-то не так.

До сих пор её первое воспоминание было на городской стене, где она смотрела на армию внизу и видела, как стрела летит в неё. Лёгкая боль охватила её.

Видя её страдания, Шэнь Лююнь не смогла сдержаться и хотела утешить её, но отец остановил её:

— Некоторые вещи принадлежат только ей, и мы не можем помочь.

В её памяти образ генерала в лёгких доспехах и белом плаще на городской стене смешивался с образом императрицы в траурных одеждах.

— Должно быть, я очнулась в гробу, но в моей голове всё ещё появляется образ её, стреляющей

в меня со стены. Я... не знаю.

Сказав это, Ань Ян почувствовала, что что-то не так. Почему в её сознании появилась эта сцена? Сегодня, глубоко задумавшись, она поняла, что что-то не так. Она с болью закрыла глаза. Её восприятие, кажется, было ошибочным.

Отец Шэнь погладил бороду:

— А раньше?

Ань Ян энергично покачала головой:

— Нет... ничего.

— Тогда ваши воспоминания начинаются на городской стене, но вы не хотите вспоминать это, поэтому считаете, что очнулись в гробу.

— Нет... нет...

Ань Ян резко встала, стиснув губы и слегка дрожа. Её пальцы крепко сжали край стола. Она была просто одинокой душой, которая заняла тело Ань Ян после её смерти.

Если её воспоминания начинались на городской стене, то она уже заняла это тело.

Её любовь к И Цинхуань была её собственной, а не воображаемой «настоящей» Ань Ян.

Её взгляд был растерянным, и она посмотрела на отца Шэня с острым, как лезвие, взглядом. Отец Шэнь встал перед ней и мягко улыбнулся:

— Этот взгляд такой же, как и тогда, когда вы ударили наследника Западного Шу.

Дочь, воспитанная в Цзянбэе, должна быть волчонком, а не котёнком.

Ань Ян снова села, с силой потирая голову, и твёрдо сказала:

— Я не хочу восстанавливать воспоминания. Я хочу быть просто Шангуань Нянь, с любовью отца и брата.

Её нынешний статус был другим, и она не хотела погружаться в эту трясину. Её исчезнувшая любовь должна остаться в темноте.

Отец Шэнь, глядя на молчаливую дочь, кивнул:

— Хорошо, но по вашему пульсу я не нашёл ничего странного. Однако, судя по тому, как иглы вошли в акупунктурные точки, вас накормили лекарством. Если это «душевная рана», как говорит Аюнь, вы должны были забыть о событиях на стене, но вы помните. Поэтому я думаю, что вас накормили лекарством.

Шэнь Лююнь, услышав ответ на давний вопрос, с беспокойством предложила:

— Анянь, тебе не интересно, кто дал тебе лекарство? Нужно понять, друг это или враг. Если этот человек всё ещё рядом, у тебя будут большие проблемы.

Прошло около получаса, но Ань Ян не соглашалась. Под давлением взгляда невестки она

наконец сказала:

— Дай мне подумать.

Когда она встала, чтобы уйти, отец Шэнь закрыл свою аптечку и вдруг сказал:

— Я диагностировал, что это действие лекарства, но это не значит, что я могу вылечить тебя. Девушка Ань, не обманывай себя.

Их смущённые сердца успокоились. Ань Ян сжала губы и вышла из комнаты. На крыльце сидел Туаньцзы, наблюдая за кроликом в клетке такого же цвета, как он сам. Смело подойдя, он протянул лапу и схватил кролика за ногу, пытаясь вытащить его.

Кролик тут же закричал. Ань Ян, и так не любившая Туаньцзы, подошла, схватила его лапу и бросила в пруд. Она прищурилась, наблюдая, как он барахтается в воде, и, положив руки на бока, сказала:

— Туаньцзы, не думай, что ты милый, и я тебя не брошу. В следующий раз, если ты нарушишь мой сон, я вырву твою шерсть и брошу в печь как дрова.

На мгновение ей захотелось бросить в пруд и ту женщину из Чертога Юнь, утопить её и заставить выпить грязную воду.

<http://bllate.org/book/16208/1455059>